

<https://doi.org/10.18485/analiff.2026.38.1.13>

821.161.1.09-31 Платонов А. П..

Герой романа *Чевенгур* – Захар Павлович: между бибелйским человеком и мифическим Антеем

Никола С. Милькович*

Университет в Белграде, Филологический факультет, Кафедра славистики

 <https://orcid.org/0000-0002-2697-065X>

Ключевые слова:

Андрей Платонов (1899–1951),

Чевенгур,

Библия,

мифологизм,

анализ

Аннотация

Мотив сотворения человека из земли (глины) является одной из центральных архетипических тем мировой мифологической традиции, поскольку он определяет представления о происхождении, природе и судьбе человека. Однако его переосмысление в творчестве Андрея Платонова, особенно в романе *Чевенгур*, остается недостаточно исследованным, прежде всего в аспекте мифопоэтической трансформации и демифологизации. Понимание функционирования данной мифологемы важно для интерпретации философской антропологии и художественного метода писателя. В данной статье анализируется мотив «глиняного» происхождения человека в романе *Чевенгур*. В частности, ставится задача выявить «антейский» принцип в образной системе произведения и проследить трансформацию мифа в художественном мире Платонова. Методологической основой исследования послужил качественный анализ текста. Материалом выступили ключевые эпизоды романа, образы персонажей и система символов. Данные были получены посредством внимательного чтения и интерпретированы с использованием мифопоэтического и сравнительного подходов для выявления устойчивых мифологических структур и способов их преобразования. Анализ показал, что центральной мифологической матрицей романа является мотив сотворения человека из земли, реализованный в образе Захара Павловича, чья связь с почвой соотносится с мифом об Антее. В отличие от традиционных мифов, где земля выступает источником жизненной силы, у Платонова эта связь приобретает амбивалентный характер: она не гарантирует жизнеспособности, а ведет к стагнации и распаду. Наиболее значимыми особенностями являются отсутствие продуктивного труда, доминирование хтонической образности и регресс цивилизации к архаическим формам. Дополнительно выявлен процесс демифологизации, при котором технический прогресс сочетается с деградацией человека и разрушением природной среды. Полученные результаты свидетельствуют о том, что Платонов трансформирует миф о «глиняном» человеке в форму критического осмысления современности. Это углубляет понимание мифопоэтики XX века и подчеркивает переход от созидательного мифа к его деконструкции. (примьено: 17. октобра 2025; прихваћено: 7. марта 2026)

<https://anali.fil.bg.ac.rs>

* Филолошки факултет
Кафедра за славистику
Студентски трг 3
11000 Београд, Србија
nikola.miljkovic@fil.bg.ac.rs

Миф о сотворении человека из земли (глины), помимо того, что является одним из древнейших, архетипических мифов, встречается почти на всех континентах у самых разных народов (Фрезер, 1990: 13–30). Так, например, в древнешумерском эпосе о Гильгамеше богиня Аруру «Отщипнула глины, бросила на землю, / Слепила Энкиду, создала героя» (Гильгамеш, 1961: 9); согласно древнеегипетской мифологии, верховный бог Хнум вылепил людей из глины на гончарном круге (Иванов, 1994: 309–310); в Ветхом Завете сказано, что «создал Господь Бог человека из праха земного» (Быт., 7). Античная мифология, в конце концов, знает многие примеры сотворения человека из земли (глины), это отражено в мифе о Прометее, Антее и др. В раннем творчестве Андрея Платонова этой темы касается сказка *Ерик*, в которой сам враг главного героя обучил лепить людей «из глины, из земли и всякой пакости».

Для нас в контексте данной работы особенно интересен миф о силаче Антее, сыне Посейдона, бога морей, и Геи, богини земли. Мифический герой Антей был подвластен женскому началу, а свою силу он черпал из матери-земли. Женскому началу подвластен и герой романа *Чевенгур* – Захар Павлович: «Куда бы ни уходил из дома маленький Захар Павлович, он знал, что есть мать, которая его вечно ждет, и он ничего не боялся» (Платонов, 2011а: 46).

В литературе XX века мифологические матрицы станут одним из основных механизмов повествования или, по словам Е. Мелетинского, в XX веке «мифологизм становится инструментом повествовательного компенсирования» (Мелетинский, 2001: 129).

Среди многочисленных художественных произведений Андрея Платонова роман *Чевенгур* стоит особняком. Несмотря на то, что это не его последнее произведение, этот текст все-таки показывает иной взгляд писателя на многие проблемы, и данный роман трудно сопоставим с другими художественными произведениями Платонова. В отличие от большинства других текстов, в которых круглые сутки не прекращается работа, а ударники, инженеры, кузнецы, пахари и другие рабочие пытаются побить все рекорды, в *Чевенгуре*, при этом в самом большом тексте Платонова, продуктивного труда, говоря языком Платонова, практически нет (КПД – 0%), что дает нам возможность попытаться наложить другую матрицу на этот текст. Во многих художественных произведениях Платонова большая часть всех работ производится на земле: пашется поле, роется котлован под фундамент, строятся каналы, удобряется и орошается почва и проч., а в *Чевенгуре*, наоборот, почти невозможно отыскать даже такие основные глаголы, как *копать*, *рыть*, *пахать*, *строить* и др. Землю в настоящем произведении никто не трогает. Все эти действия принадлежат прошлому: «Прибылые чевенгурцы строили некогда избы и рыли колодцы, но не здесь, а вдалеке отсюда – на сибирских колонизационных землях, где когда-то прошел их круговой путь существования» (Платонов, 2011а: 334).

Связь творчества Андрея Платонова с мифологией отмечалась многими исследователями (Баршт, 2000; Вьюгин, 2004; Јовановић, 2008 и др.). По словам В.Ю. Вьюгина: «Существует большое искушение анализировать платоновский

текст как часть мифа. Учитывая, что текст вышел из-под пера художника, чье творчество действительно слишком емко и актуально, и само по данной причине располагает к мифологизированию» (Вьюгин, 2004: 159). Когда речь идет о романе *Чевенгур*, мы поддерживаем мнение М. Йовановича, что части этого произведения надо рассматривать в контексте идеи о «романе-мифе», согласно терминологии Нортропа Фрая.

Герои произведений Андрея Платонова подчиняются природным стихиям (земля, вода, воздух, огонь), и большая часть из них подвластна земле – на земле рождаются, на/в земле спят, на земле совокупляются и на/в земле умирают. Во многих произведениях А. Платонов подчеркивает, что одни его герои живут в землянках, у других – глиняное лицо, третьи – обрабатывают (копают, пашут, роют и др.) землю, чтобы построить что-то. У некоторых его героев фамилии указывают на связь с землей (Кирпичников, к примеру) и проч. Хотя многие персонажи Платонова и пытаются покорить иные пространства – космос, воду – оказывается, что за пределами земли для них нет жизни и в других пространствах они попросту терпят крушение. Это видно на примере Крейцкопфа в рассказе *Лунная бомба*, или в случае чевенгурцев, которые утопились в воде.

Важность связи русского человека с родной землей, его *почвенность*, наблюдалась и на протяжении всей истории Руси/России, которая в древних летописях обозначается словосочетанием *Русская Земля* (др.-рус. Русьская земля), где прилагательное *русский* является определением к главному слову – *земля*, то есть земле все подчиняется, а «впервые наименование Р[усская].з[емля]. встречается в *договоре руси с греками 911 г.*» (Мельникова/Петрухина, 2014: 697); поэтому князь Александр Невский называется «сыном земли Русской» или «солнцем земли Русской», древние слова повествуют о «погибели земли русской» и т.п.

Герои Андрея Платонова, такие как Захар Павлович, полностью зависимы от земли, материнская связь сохраняется и заставляет героя отдавать ей свои силы и бродить постоянно. К.А. Баршт заметил, что «свое место у человека есть, однако это никогда и ничем не определенная, случайная точка на поверхности земли, и любая попытка связать себя онтологически с определенным локусом приносит лишь “горе”» (Баршт, 2000: 285). Герой типа Захара Павловича нигде не находит себе места, он постоянно в движении, в поисках – физически или мысленно. Поэтому Захар Павлович только отчасти является федоровским типом героя, в отличие от героев *Котлована* или большинства других произведений Платонова, в которых персонажи привязаны к конкретному месту на земле (чаще всего к кладбищу), где похоронены тела предков и т.п. Для Захара Павловича смерть является окончательным состоянием, если человек умрет, он, по словам Захара Павловича, как в случае рыбака, «мертвый на веки веков».

В структуре романа Захар Павлович, на наш взгляд, является главным героем произведения¹, небезынтересно и то, что он единственный герой,

1 Здесь мы продолжаем мысль сербского философа Владимира Меденицы, по словам которого «Захар Павлович, выходит, является главным героем романа и “виновником” конца Чевенгура, так как его

который появляется на первой странице романа, а также и на последней; Захар является одним из редких персонажей, доживших до конца романа/истории, из чего вытекает, что сам Захар Павлович не подчиняется историческому времени, в отличие от чевенгурцев, для которых с уничтожением чевенгурской утопии наступает и конец времени, он подчиняется другому – мифическому времени. Сам Платонов нужду постоянного движения определенных персонажей его произведений в письме редакции журнала *Трудовая армия* объясняет так: «Вы видите только наши заблуждения, а не можете понять, что не блуждаем мы, а ищем» (Платонов, 2011b: 15). В данном ответе Платонова как будто звучат слова Л. Шестова: «Пока оседлые люди будут искать истины, яблоко с дерева познания не будет сорвано. За это дело должны взяться бездомные авантюристы, природные кочевники, для которых *ibi patria, ubi bene*» (Шестов, 1991: 59). Таким неугомонным бродягой и искателем, несомненно, был и Захар Павлович, который «задумался и хотел уйти в босяки, но остался на месте. Его сильно тронуло горе и сиротство – от какой-то неизвестной открывшейся в груди совести; он хотел бы без отдыха идти по земле, встречать горе во всех селах и плакать над чужими гробами» (Платонов, 2011a: 17). Тот же Захар Павлович живет и на опушке леса, посещает погосты и, подобно Антею, поддерживает прямой контакт с матерью-землей. Кажущаяся на первый взгляд абсурдной работа Захара Павловича – изготовление дубовой сковороды, деревянных часов и проч. – имеет более глубокий смысл: он не хочет причинять вред земле; Захар Павлович даже не сделал «ни одной вещи, повторяющей природу» (Платонов, 2011a: 14), перед сном, после смерти бобыля, он думал: «Умер же бобыль, умрешь и ты; тот ни одного изделия за весь свой век не изготовил [...] в каждой простоте видел дивное дело и руки не мог ни на что поднять, чтобы чего-нибудь не испортить; только грибы рвал, и то находить их не умел; так и умер, ни в чем не повредив природы» (Платонов, 2011a: 15).

Андрей Платонов в статье *Новый Руссо* писал: «Робеспьер, исступленно расточает свою жизнь в узком кругу политических друзей и врагов, он давно не перечитывал Руссо [...]; он не имел времени побывать в поле, увидеть непарижское лицо французского народа, он забыл легенду о мифическом Антее» (Платонов, 2011b: 372). Важность прямого контакта с землей Платонов в *Чевенгуре* показывает и в образе крестьянина, который питается почвой: «Этот человек считал себя богом и все знал. По своему убеждению, он бросил пахоту и питался непосредственно почвой» (Платонов, 2011a: 88). Антейские герои в *Чевенгуре* связываются с травой, деревьями, муравьями, тараканами и т.д. – хтоническими существами, а мифический герой Антей жил в тогда еще дикой Ливии среди зверей. Диодор Сицилийский о поединке Антея с Гераклом писал: «Одержав победу в этом поединке, Геракл убил Антея. Кроме того, Ливию,

деревянные часы-будильник (*Чевенгур* кишит сломанными будильниками, что представляет собой картину “бунта” чевенгурцев против времени) “органически”, благодаря тому, что Земля вращается, пробьет последний час для его потерянных детей: Сашы Дванова и остальных чевенгурцев» (Цит. из неопубликованного эссе В. Меденицы).

изобиловавшую дикими зверями, он сделал более благоприятной для жизни, истребив многих животных, обитавших в пустынных областях, вследствие чего здесь стало возможно заниматься разного рода земледелием, выращивать плодовые деревья и весьма успешно разводить виноград и маслины» (Диодор, 2000: 31). Про образ жизни Захара Павловича сказано: «Захар Павлович остался в деревне один – ему понравилось безлюдье. Но жил он больше в лесу, в землянке с одним бобылем, питаюсь наваром трав» (Платонов, 2011а: 13). В приведенном описании заметны даже житийные элементы жизнеописания Захара Павловича.

Творчество А. Платонова теснейшим образом связано с мифопоэтикой. По словам М. Йовановича: «Мифопоэтическая структура *Чевенгура* основана на смешении мотивов архаической и более поздних мифологий (включая и христианскую), а также на пародии мифологических сюжетов и мотивов в контексте их определения в отношении структуры исторического пространства и времени» (Йовановић, 2008: 393–394).

Перед нами одна мифологическая матрица или мифологема, а как отмечает В.Ю. Вьюгин, один из ключевых вопросов в связи с рассмотрением таких мифологем должен быть сформулирован так: «Не наделяется ли такая “мифологема”, попав в контекст авторского произведения, авторским, а не “общемифологическим” смыслом?» (Вьюгин, 2004: 162). На наш взгляд, это ключевой момент, так как в творчестве Платонова наблюдается процесс демифологизации, ведь в его текстах наряду с постоянным прогрессом техники происходит регресс человека и земли (замусоривание). Сам Платонов по этому поводу писал: «Узник может превратиться не только в другого человека, но и в черепаху, в кошку – в эти тоже людские существа» (Платонов, 2000: 154). Узником здесь, как нам представляется, Платоновым мыслится человек, живущий на земле, где ее просторы одновременно являются и темницей, так как человек не состоянии выйти за ее пределы.

Деградация человека в творчестве Платонова замечается в нескольких направлениях: в сторону машины (робот Кузьма в пьесе *Шарманка* как пример человека будущего), мутации или антиэволюции в сторону животного (медведь-молотобоец в *Котловане*), в сторону неорганического (глаза красноармейца превращаются в минерал в *Чевенгуре*). К. А. Баршт отметил, что «в произведениях Платонова конца 1920-х – начала 1930-х годов идея гибели человеческой цивилизации под напором энтропии (пресловутого “мусорного ветра”) выражалась в форме глубокой органической деградации вида *Homo sapiens*» (Баршт, 2015: 150). Земля – начало и конец человека, он – плоть земли, как утверждал автор: «Земля – это то, откуда мы вышли и куда мы уйдем, где мы живем, радуемся и боремся. Так думает народ» (Платонов, 2011: 390). В статье *Борьба с пустыней* Платонов делает вывод, что почва является основным капиталом человечества.

Регресс, то есть обратный ход цивилизации, зашифрован в самой структуре романа *Чевенгур*, так как постоянное движение героев вперед, к стране

чевенгурцев, на самом деле является возвращением в доисторическую эпоху, где люди и техника находятся на начальном этапе развития; сербский философ Владимир Меденица это назвал «регрессией к природному и праприродному состоянию» (Меденица, 2005: 213). Жители этой якобы утопической страны обороняют ее катапультами: «Нужно колесо, – вслух определил Дванов. – Кованый деревянный диск, с него можно швырять в противника кирпичи, камни, мусор, – снарядов у нас нет. А вертеть будем конным приводом и помогать руками, – даже пыль можно отправлять и песок...» (Платонов, 2011а: 393), чевенгурцы спят на «соломе на полу» (Платонов, 2011а: 274), имеется и «глиняный маяк, где по ночам горит солома наверху либо другое сухое вещество» (Платонов, 2011а: 283) и т.п. Механическому приводу, по принципу которого работает шарманка в одноименной пьесе, здесь прямо противопоставляется лошадиная сила – «конный привод», и «руки», то есть человеческая сила. Обратный ход истории показан, с одной стороны, в том, что Захар Павлович, будучи одним из представителей нового будущего, «приучился из дерева делать все то же, что раньше делали из металла» (Платонов, 2011а: 13), а с другой стороны – в том факте, что Захар Павлович проник в тайну маятника и «увидел, что времени нет, есть равномерная тугая сила пружины» (Платонов, 2011а: 45), то есть пружина как мотив спирали и растяжения/сжатия, в *Чевенгуре* это явление называется «круговой путь существования». Идея обратимости времени восходит и к Платону, творцу учения об идеальном *Государстве*, в одном из его диалогов *Политик* Чужеземец говорит Сократу: «Бог то направляет движение Вселенной, сообщая ей круговращение сам, то предоставляет ей свободу – когда кругообороты Вселенной достигают подобающей соразмерности во времени; потом это движение самопроизвольно обращается вспять, так как Вселенная – это живое существо, обладающее разумом, данным ей тем, кто изначально ее построил» (Платон, 2007: 29). В романе *Чевенгур* к этой идее отсылают такие предметы, как *колесо*, *маятник*, *пружина*, *винтик* и проч. На истоки идеи «мыслящей земли» у Платонова через предполагаемых посредников (Блаватская, Штейнер, Циолковский, Вернадский и др.) уже не раз обращали внимание исследователи творчества писателя, и, как нам кажется, именно в этом следует искать причину сознания/души в «глиняных» героях Андрея Платонова. Эта искра жизни у Платонова трудно уловима, так как «Платонов – художник слабой жизни с невидным, рассеянным светом, доступным только духовному взору (в этом его коренное отличие от современных ему прозаиков-живописцев с их установкой на зрелищное изображение, как Бабель, Вс. Иванов, Олеша)» (Бочаров, 1985: 265).

Человек у Платонова является результатом химического синтеза → *земля + вода = человек*, а в конце человеческой жизни происходит анализ (разложение) → *человек = земля – вода*. В платоновской концепции человека не хватает третьего элемента, присутствующего в большинстве мифов о создании человека, дыхания жизни, т.е. искры, приводящей механизм в движение. Платонов это объяснял следующим образом: «корень “духа” скрыт в сырой планетной

материи земли, в общественном труде классовой борьбе. И “дух” подчинен законам материи» (Платонов, 1990: 166). Это вновь очевидная переключка с мифологическим героем Антеем, который, напомним, рожден от Посейдона (вода) и Геи (земля), и дыхания жизни в нем также нет. Энергию, заложенную в живых существах, Платонов называет «веществом существования», но о точном происхождении данного вещества Платонов ничего не сообщает. В «Чевенгуре» сцена убийства буржуа Завын-Дувайло позволяет предположить, что Платонов отождествляет дыхание жизни с душой, ведь умирающий просит обмотать ему горло свивальником, так как «там вся душа течет!» (Платонов, 2011а: 229), а потом Пиюся спрашивает: «Где у тебя душа течет – в горле? Я ее сейчас вышибу оттуда!» (Платонов, 2011а: 230). Чепурный после этого вспоминает, как будто забытую истину: «И правильно: душа же в горле!» (Платонов, 2011а: 231). Но помимо идеи о некой текучести души у чевенгурцев нет точного знания о том, что такое душа на самом деле.

Антейский принцип и важность связи русских с землей отметил и сам Сталин в заключительном слове на пленуме ЦК ВКП(Б) 5 марта 1937 г.:

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой, который считался непобедимым, – Антей. [...] В чем состояла его сила? Она состояла в том, что когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая его родила и вскормила, и получал новые силы. [...] Я думаю, что наши большевистские руководители похожи на Антея, должны быть похожи на Антея. Большевистские руководители – это Антеи, их сила состоит в том, что они не хотят разрывать связи, ослаблять связи с своей матерью, которая их родила и вскормила, – с массами, с народом, с рабочим классом, с крестьянством, с маленькими людьми. Все они – большевики – сыны народа, и они будут непобедимы только в том случае, если они не дадут никому оторвать себя от земли и потерять тем самым возможность, прикасаясь к земле, к своей матери – к массам, получать новые силы». (Искандеров, 1995: 20)

В образе Захара Павловича заключена идея создания человека из земли, над которым властвует некая высшая сила, вызывающая людей к жизни и определяющая их судьбу: «На старости лет ты побираться будешь, Захар Палыч! Кадка вон который день стоит, а ты о землю деревяшкой касаешься неведомо для чего» (Платонов, 2011а: 12). В настоящей цитате, несомненно, замечается и тон библейского голоса Творца (вопроса Бога/Демидурга мы в данной работе касаться не будем, так для этого понадобится отдельное исследование). Мотив ветхозаветного человека, созданного из глины на гончарном круге, очень часто встречается в *Чевенгуре*, где видим «глиняные памятники, похоже изображавшие любимых товарищей, в том числе Дванова» (Платонов, 2011а: 380), затем «глиняный памятник Прокофию, накрытый лопухом од дождей», идею Чепурного о сооружении «глиняного монумента скрывшемуся товарищу»

(Платонов, 2011а: 395) и проч. Если обратимся к Ветхому Завету, такой мотив найдем в книге пророка Иеремии:

Слово, которое было к Иеремии от Господа: встань и сойди в дом горшечника, и там Я возведу тебе слова Мои.

И сошел я в дом горшечника, и вот, он работал свою работу на кружале.

И сосуд, который горшечник делал из глины, развалился в руке его; и он снова сделал из него другой сосуд, какой горшечнику вздумалось сделать.

И было слово Господне ко мне: не могу ли Я поступить с вами, дом Израилев, подобно горшечнику сему? говорит Господь. Вот, что глина в руке горшечника, то вы в Моей руке, дом Израилев». (Иер., 18: 1–6)

Лицо демиурга в творчестве Платонова всегда скрыто под вуалью тайны. На всю Вселенную Андрей Платонов смотрит как на мастерскую гончара: «Вселенная – бегущая женщина: / Ноги ее вращают землю, / Тело трепещет в эфире, / А в глазах начинаются звезды» (Платонов, 2011а: 141), т.е. земля похожа на гончарный круг, который вращает нога горшечника, в данном случае – матери, женского начала.

Захар Павлович не вписывался в общество, в котором жил. Вид у него был исполинский, нечеловеческий, мифический, поэтому ласточка «от вида Захара Павловича вошла внутрь трубы и там, в тьме дымохода, обняла крыльями своих потомков» (Платонов, 2011а: 19). Неприятие норм этого мира, дикость, странное поведение и др. – все это является характеристикой сыновей мифических богов, в том числе и Антея². Мифические матрицы внутри рассматриваемого нами романа выявил и сербский литературовед М. Йованович, сделав на основании этого вывод, что «часть фабулы *Чевенгура* согласована с жанровыми признаками “романа-мифа” из классификации Фрайа в “Анатомии критики”» (Йовановић, 2008: 395).

Антейский принцип в романе *Чевенгур* распространяется на обычных людей, бродяг, людей, типа Захара Павловича³, в то время как чевенгурцы, то есть пролетариат, который призван построить будущую утопию, к этому типу не относится, потому что он произошел от обезьяны. Чепурный объясняет это таким образом: «Иначе, брат, весь народ помрет на переходных ступенях. И потом, буржуи теперь все равно не люди: я читал, что человек как родился от обезьяны, так ее и убил» (Платонов, 2011а: 226). С другой стороны, в размышлениях Захара Павловича подчеркивается связь с землей через идею, что далеким предком человека является червь: «Бродя днем по солнечному двору, он не мог превозмочь свою думу, что человек произошел из червя» (Платонов, 2011а: 21). Та же мифологическая матрица видна и в образе Якова Титыча, который «любил вечерами лежать на траве» (Платонов, 2011а: 300), а потом лапти,

2 Об этом см. например: Тахо-Годи, 1989: 129.

3 Сербский философ Владимир Меденица бродяжий образ жизни героев *Чевенгура* назвал «трансцендентальной бездомностью».

подкова ручной таракан и проч. – все это подчеркивает прямую связь с землей через растительный и животный мир.

Бродяжий образ жизни антейских героев в *Чевенгуре* скрывает в себе и библейский подтекст⁴ вечного жида, Агасфера, обреченного на вечное скитание по земле: «По горизонту степи, как по горе, шел высокой дальний человек, все его туловище было окружено воздухом, только подошвы еле касались земной черты, и к нему неслись чевенгурские люди» (Платонов, 2011а: 335). Данная идея обыгрывается упоминанием книги *Приключения современного Агасфера* некоего Мрачинского, которую читал когда-то Дванов. Обыгрывание библейского сюжета, то есть идеи о ветхозаветном человеке, созданном из праха земного, указывает на сложный религиозно-мифологический пласт в *Чевенгуре*. Тот же образ вечного жида видим и в самом конце, когда старик Захар Павлович вместе с цыганом Карчуком приходят в Чевенгур, где застают одного Прокофия, а людей кроме него там больше нет. В постоянном скитании Захара Павловича как будто опять звучат знакомые слова Л. Шестова: «Настоящий исследователь жизни не вправе быть оседлым человеком и верить в определенные приемы искания. [...] Он должен уметь держаться прямо и глядеть на небо, но он же должен, когда нужно, не побрезговать согнуться в три погибели и искать истину на земле» (Шестов, 1991: 45).

Пустота чевенгурской утопии, возможно, также имеет библейский ключ, а именно идею проклятой земли, омытой братской кровью: «И сказал Господь Каину: [...] что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей» (Быт., 4:9 – II). Если, как утверждает М. Йованович, роман «Чевенгур» построен на «предвосхищениях» (серб. *антиципације*), то основную идею данного романа можно понимать как предупреждение о гибели народа, который «забывает легенду о мифическом Антее», по словам самого Платонова, и теряет связь с землей. Как отмечает Н. Корниенко: «Сохраняя устойчивые и варьирующие элементы в апокалиптических картинах, Платонов (от текста к тексту) вносит все новые и новые характеристики в форму героя нового века, усиливая тему пропасти между его верой детства в Бога и новой верой, в самых разных и различных ее модификациях» (Корниенко, 2005: 491).

Земляная плоть чевенгурских людей показана и на примере Сербинова, «к которому постепенно приходили слезы жалости к себе, он следил, как слезы разъедали грязь на его щеках, и не зажигал электричества» (Платонов, 2011а: 362). Сам Сербинов, будучи земляным типом героя, будущее своего рода видит в некой эволюции человека, в постепенном превращении этой «свободной вещи» в камень, поэтому он, глядя на памятник Прокофию говорит: «Его бы надо сделать из камня, а не глины, – сказал Сербинов, – иначе он растает от времени и погоды» (Платонов, 2011а: 396), то есть здесь наблюдается идея

4 О влиянии библейских текстов (Ветхого и Нового Завета) на творчество Андрея Платонова уже писалось, об этом см. например Любушкина, 2005: 354–361.

о переходе от более древнего периода истории к каменному веку, а в самой идее строительства чевенгурской утопии закодирован возврат человечества в доисторическое и домифологическое время.

В представленной статье прослеживается центральная мифологическая матрица – мотив сотворения человека из земли (глины), широко распространенный в мировой традиции, и ее рефлексия в творчестве Андрея Платонова, прежде всего в романе *Чевенгур*. Образ Антея, сила которого питается от матери-земли, сопоставлен с образом Захара Павловича – бродяги, тесно связанного с почвой, чей мифический статус и «антейская» зависимость от земли определяют его поведение и судьбу. Платоновская мифопоэтика сочетает архаические и христианские мотивы, пародирует и трансформирует мифы, создавая «роман-миф», где земля выступает и истоком, и финалом человеческого бытия. В то же время тексты автора демонстрируют процесс демифологизации: технический прогресс сосуществует с деградацией человека и загрязнением почвы, что приводит к регрессу цивилизации и возврату к примитивным формам существования. У Платонова человек часто представлен как сочетание земли и воды без «дыхания» – искры духа, что подчеркивает материалистическую модель происхождения и уязвимость человеческой жизни. Символы глины, глиняных памятников и земных практик в романе усиливают идею телесной и духовной зависимости от почвы, тогда как мотивы времени и обратимости истории указывают на цикличность и возможный откат цивилизации. В итоге *Чевенгур* читается как предупреждение: утрата связи с землей и мифической корневой идентичностью ведёт к упадку, пустоте утопии и гибели народа.

Примечание: Реферат прочитан в Институте мировой литературы (ИМЛИ) РАН на IX Международной научной конференции «Андрей Платонов в мировом культурном пространстве» в 2019 году.

Литература

- Баршт, К. (2000). *Поэтика прозы Андрея Платонова*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- [Barsht, K. (2000). *Poëtika prozy Andreïa Platonova*. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU]
- Баршт, К. (2015). Медведь-кузнец из повести А. Платонова «Котлован» и опыты И.И. Иванова по созданию гибрида человека и обезьяны. *Новое литературное обозрение*, 6(136), 146–171.
- [Barsht, K. (2015). Medved'-kuznetś iz povesti A. Platonova «Kotlovan» i opyty I.I. Ivanova po sozdaniiu gibrida cheloveka i obez'tāny. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6(136), 146–171]
- Бочаров, С. (1985). «Вещество существования» (Выражение в прозе). В *О художественных мирах* (стр. 249–296). Москва: Советская Россия.

- [Bocharov, S. (1985). «Veshchestvo sushchestvovaniĭa» (Vyrashenie v proze). V *O khudozhestvennykh mirakh* (str. 249–296). Moskva: Sovetskaĭa Rossiĭa]
- Искандеров, А. (1995). Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. *Вопросы истории*, 11–12, 3–23).
- [Iskanderov, A. (1995). Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma TSK VKP(b) 1937 goda. *Voprosy istorii*, 11–12, 3–23]
- Вьюгин В. (2004). *Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля)*. Санкт-Петербург: Изд.-во. Русского Христианского гуманитарного института.
- [Vŭgin V. (2004). *Andreĭ Platonov: poĕtika zagadki (Ocherk stanovleniĭa i ėvolŭtsii stiĭla)*. Sankt-Peterburg: Izd.-vo. Russkogo Khristianskogo humanitarnogo instituta]
- Диодор Сицилийский. (2000). *Греческая мифология*. Москва: Лабиринт.
- [Diodor Siŭsiliĭskĭĭ. (2000). *Grecheskaĭa mifologiĭa*. Moskva: Labirint]
- Иванов, В. (1994). Гончар. У С. Токарев, *Мифы народов мира: энциклопедия в двух томах* (Т. 1) (стр. 309–310). Москва: Российская энциклопедия; Минск: Дилер; Смоленск: Русич.
- [Ivanov, V. (1994). Gonchar. U S. Tokarev, *Mify narodov mira: ěntſiklopediĭa v dvukh tomakh* (Т. 1) (str. 309–310). Moskva: Rossiĭskaĭa ěntſiklopediĭa; Minsk: Diler; Smolensk: Rusich]
- Јовановић, М. (2008). *Космички песимизам Андреја Платонова: Последња комуна (Чевенгур)*. Београд: Логос.
- [Jovanovic, M. (2008). *Kosmiĉki pesimizam Andreja Platonova: Poslednja komuna (Ĉevengur)*. Beograd: Logos]
- Корниенко, Н. (2005). Чевенгурские мечтания о «новом человеке» в статьях Платонова 1920-х гг. («Питомник нового человека» – «Человек, который будет». В *«Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества* (вы. 6) (стр. 483–519). Москва: ИМЛИ РАН.
- [Kornienko, N. (2005). Chevengurskie mechtaniĭa o «novom cheloveke» v stat'ĭakh Platonova 1920-kh gg. («Pitomnik novogo cheloveka» – «Chelovek, kotoryĭ budet». V *«Strana filosofov» Andreĭa Platonova: Problemy tvorchestva* (vy. 6) (str. 483–519). Moskva: IMLI RAN]
- Любушкина, М. (2005). Библия в романе «Чевенгур»: «Страна философов» Андрея Платонова: *Проблемы творчества* (вы. 6). Москва: ИМЛИ РАН.
- [Liŭbushkina, M. (2005). Bibliĭa v romane «Chevengur»: «Strana filosofov» Andreĭa Platonova: *Problemy tvorchestva* (vy. 6). Moskva: IMLI RAN]
- Меденица, В. (2005). Душа, живущая во время тоски: «Страна философов» Андрея Платонова: *Проблемы творчества* (вы. 6). Москва: ИМЛИ РАН.
- [Medeniŭſa, V. (2005). *Dusha, zhivushchaĭa vo vremĭa toski: «Strana filosofov» Andreĭa Platonova: Problemy tvorchestva* (vy. 6). Moskva: IMLI RAN]
- Меденица, В. (2010). Роман Чевенгур Андрея Платонова [необъявлени рукопис]
- [Medeniŭſa, V. (2010). Roman Chevengur Andreja Platonova [neobjavĭeni rukopis]]
- Мелетинский Е. (2001). *От мифа к литературе*. Москва: РГГУ.
- [Meletinskiĭ E. (2001). *Ot mifa k literature*. Moskva: RGGU]

- Мельникова, Е., Птрухина, В. (2014). *Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия*. Москва: Ладомир.
- [Mel'nikova, E., Ptukhina, V. (2014). *Drevnīā Rus' v srednevekovom mire: ēntsiklopedīā*. Moskva: Ladomir]
- Платон. (2007). *Сочинения в четырех томах* (Т. 3, ч.2). Санкт-Петербург.: Изд.-во Олега Абышко.
- [Platon. (2007). *Sochineniā v chetyrekh tomakh* (Т. 3, ch.2). Sankt-Peterburg.: Izd.-vo Olega Abyshko]
- Платонов, А. (1990). Революция духа. В *Чутье правды* (стр. 165–168). Москва: Советская Россия.
- [Platonov, A. (1990). *Revolūtsiā dukha. V Chut'e pravdy* (str. 165–168). Moskva: Sovetskaīa Rossiā]
- Тахо-Годи, А. (1989). *Греческая мифология*, Москва: Искусство.
- [Takho-Godi, A. (1989). *Grecheskaīa mifologiā*, Moskva: Iskusstvo]
- Фрезер Д. (1990). *Фольклор в Ветхом Завете*. Москва: Издательство политической литературы.
- [Frezer D. (1990). *Fol'klor v Vetkhom Zavete*. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury]
- Шестов, Л. (1991). *Апофеоз беспочвенности: Опыт догматического размышления*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- [Shestov, L. (1991). *Apofeoz bespochvennosti: Opyt dogmaticeskogo razmyshleniā*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta]
- Эпос о Гильгамеше («О все видящем»). (1961). Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- [Ėpos o Gil'gameshe («O vse vidīashchem»). (1961). Moskva–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR]

Источники

- Платонов, А. (2000). *Записные книжки. Материалы к биографии*. Москва: ИМЛИ РАН, «Наследие».
- [Platonov, A. (2000). *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii*. Moskva: IMLI RAN, «Nasledie»]
- Платонов, А. (2011a). *Собрание сочинений в восьми томах* (Т. 3). Москва: Время.
- [Platonov, A. (2011a). *Sobranie sochineniī v vos'mi tomakh* (Т. 3). Moskva: Vremīā]
- Платонов, А. (2011b). *Собрание сочинений в восьми томах* (Т. 8). Москва: Время, 2011.
- [Platonov, A. (2011b). *Sobranie sochineniī v vos'mi tomakh* (Т. 8). Moskva: Vremīā]

Nikola S. Miljković

Summary

ZAKHAR PAVLOVICH, THE HERO OF THE NOVEL *CHEVENGUR*: BETWEEN THE BIBLICAL MAN AND THE MYTHICAL ANTAEUS

This study offers a theoretically grounded examination of the mythological motif of the creation of man from earth (clay) and its complex reinterpretation in the prose of Andrei Platonov, with particular emphasis on the novel *Chevengur*. Its primary objective is to analyze the mechanisms through which this archetypal myth is reconfigured within Platonov's mythopoetic system. More specifically, the study seeks to elucidate the dynamic interplay between myth, narrative structure, and philosophical anthropology, demonstrating how mythological patterns inform both the semantic and structural levels of the text. The analysis foregrounds the universality and persistence of the clay-creation myth across diverse cultural and religious traditions, situating Platonov's work within a broad comparative framework. Particular attention is devoted to the myth of Antaeus, which functions as a central symbolic paradigm: the notion that human vitality is derived from an organic connection to the earth is rearticulated in the characterization of Platonov's protagonists. At the same time, the study engages with broader theoretical discussions of myth in twentieth-century literature, where mythological structures often serve as compensatory narrative strategies in response to historical and existential crises. Within this context, *Chevengur* is interpreted as a paradigmatic "myth-novel," characterized by the syncretic integration of archaic, classical, and Christian motifs, as well as by their ironic transformation and partial deconstruction. This dual movement – simultaneous preservation and critique of myth – constitutes a key feature of Platonov's narrative poetics. Methodologically, the study adopts a qualitative interpretative approach grounded in close textual analysis. It examines narrative configurations, character typologies, and symbolic systems, employing mythopoetic and comparative frameworks to trace the transformation of traditional mythologemes. This approach enables a nuanced exploration of how inherited mythological patterns are resemanticized within a modern literary context. The findings indicate that the motif of human origin from earth operates as the central mythological matrix of *Chevengur*. This motif is embodied most prominently in figures such as Zakhar Pavlovich, whose existential dependence on the earth reflects the so-called Antaeian principle. However, the analysis also demonstrates that Platonov systematically demythologizes this paradigm, presenting the human–earth connection as fundamentally ambivalent and frequently associated with stagnation, regression, and ontological limitation. The study thus reveals a paradoxical coexistence of technological progress and anthropological degradation, as well as a cyclical – or even regressive – model of historical development embedded in the narrative structure. In conclusion, this research contributes to a deeper understanding of Platonov's mythopoetics by demonstrating how myth can function simultaneously as a generative and critical

framework. It highlights the capacity of modern literature to appropriate, transform, and interrogate mythological structures, thereby enriching broader discussions of the relationship between myth, ideology, and narrative form in twentieth-century literary studies.

Key words:

Andrey Platonov (1899–1951), *Chevengur*, Bible, mythologism, analysis

Sažetak

ZAHAR PAVLOVIČ, JUNAK ROMANA ČEVENGUR: IZMEĐU BIBLIJSKOG ČOVEKA I MITSKOG ANTEJA

Ova studija nudi teorijski utemeljeno razmatranje mitološkog motiva stvaranja čoveka iz zemlje (gline) i njegove složene reinterpretacije u prozi Andreja Platonova, sa posebnim osvrtom na roman *Čevengur*. Njen primarni cilj jeste analiza mehanizama putem kojih se ovaj arhetipski mit preoblikuje unutar Platonovljevog mitopoetičkog sistema. Preciznije, studija nastoji da razjasni dinamičku međuzavisnost mita, narativne strukture i filozofske antropologije, pokazujući na koji način mitološki obrasci oblikuju i semantički i strukturni nivo teksta. Analiza u prvi plan stavlja univerzalnost i postojanost mita o stvaranju iz gline u različitim kulturnim i religijskim tradicijama, smeštajući Platonovljevo delo u širi komparativni okvir. Posebna pažnja posvećena je mitu o Anteju, koji funkcioniše kao centralna simbolička paradigma: ideja da čovekova vitalnost proizlazi iz organske povezanosti sa zemljom ponovo se artikuliše u oblikovanju Platonovljevih likova. Istovremeno, studija se uključuje u šire teorijske rasprave o mitu u književnosti XX veka, gde mitološke strukture često imaju funkciju kompenzatornih narativnih strategija kao odgovora na istorijske i egzistencijalne krize. U tom kontekstu, *Čevengur* se tumači kao paradigmatičan „roman-mit”, koji karakteriše sinkretičko objedinjavanje arhaičnih, antičkih i hrišćanskih motiva, ali i njihova ironična transformacija i delimična dekonstrukcija. Ovo dvostruko kretanje – istovremeno očuvanje i kritika mita – predstavlja ključno obeležje Platonovljeve narativne poetike. Metodološki, studija se zasniva na kvalitativnom interpretativnom pristupu utemeljenom u pažljivoj analizi teksta. Ispituju se narativne konfiguracije, tipologija likova i simbolički sistemi, uz primenu mitopoetičkog i komparativnog okvira kako bi se pratila transformacija tradicionalnih mitologema. Ovakav pristup omogućava nijansirano sagledavanje načina na koji se nasleđeni mitološki obrasci resemantizuju u modernom književnom kontekstu. Rezultati istraživanja pokazuju da motiv porekla čoveka od zemlje funkcioniše kao centralna mitološka matrica romana *Čevengur*. Ovaj motiv najjasnije je utelovljen u likovima poput Zahara Pavloviča, čija egzistencijalna zavisnost od zemlje odražava takozvani antejski princip. Međutim, analiza istovremeno pokazuje da Platonov sistematski demitologizuje ovu paradigmu, predstavljajući vezu čoveka i zemlje kao suštinski ambivalentnu i često povezanu sa stagnacijom,

regresijom i ontološkim ograničenjem. Time se otkriva paradoksalna koegzistencija tehnološkog napretka i antropološke degradacije, kao i ciklični, pa čak i regresivni, model istorijskog razvoja ugrađen u narativnu strukturu. U konačnici, ovo istraživanje doprinosi dubljem razumevanju Platonovljeve mitopoetike, pokazujući kako mit može istovremeno funkcionisati kao generativni i kritički okvir. Ono ističe sposobnost modernističke književnosti da prisvaja, transformiše i preispituje mitološke strukture, čime se produbljuju šira razmatranja odnosa između mita, ideologije i narativne forme u književnosti XX veka.

Ključne reči:

Andrej Platonov (1899–1951), *Čevengur*, Biblija, mitologizam, analiza